

"Одессит, художник, еврей..."

...Так часто подписывает обратную сторону своих работ замечательный одесский живописец Давид Тихолуз, иногда подпись сопровождает рассказ о событиях его жизни и эмоциональных переживаниях художника. Холсту доверяет автор этот своеобразный дневник, холсту он верит, потому что живопись — его

жизнь. С ней можно вести диалог без оглядок на этикет, она не прощает фальши, но и не предаёт...

Художественный вкус, приемы, авторское видение сформировались еще до "Грековки", он пришел туда уже сложившимся художником, а учился, в основном, отстаивать и сохранять свое перед напором всепоглощающей серости и унылого повседневного абсурда.

В годы учебы сразу бросались в глаза его отличия от других — особая напряженность, необычные манеры, нескладные движения. Что-то очень наивное и детское во всем облике. И свои картины он называет по-детски: "Три лимончика". Зато художественный инстинкт был настолько сильным, что рисование уводило Давида далеко от реальности, в волшебные миры фантазии, вымысла, горячего воображения. Когда он рисовал, рассудок как будто совсем покидал его, — ничего не видел, ничего не слышал, ничего не понимал... В картинах отражались лицо и душа художника. Они были колоритны, многозначны, предельно выразительны.

Вот раннее полотно с то ли круглым плодом, то ли сферой, парящей в дословно крошечной тьме: я "...видел слияние в любви и изменения, причиняемые смертью, видел Алеф, видел со всех точек в Алефе земной шар, и в земном шаре опять Алеф, и в Алефе земной шар, видел свое лицо и свои внутренности, видел твое лицо; потом у меня закружилась голова, и я заплакал, потому что глаза мои увидели это таинственное, предполагаемое нечто, чьим именем завладели люди, хотя ни один человек его не видел: непостижимую вселенную. Я почувствовал бесконечное

преклонение, бесконечную жалость"
(Х. Борхес).

Мистика и метафизика в работах Тихолуза никогда не надуманны и не притянуты из ниоткуда: он проникает в суть вещей с помощью все той же живописи и фиксирует происходящее. Совсем не простое занятие для тех, кто понимает.

Конечно, такие проникновения оборачиваются абсолютной бытовой неустроенностью, даже неким нигилизмом по отношению к поверхности мира материального.

Давид учился в училище много лет, с многократными академотпусками и восстановлениями. Зато он был знаком и дружил с талантливыми однокурниками разных поколений: с Дорфманом, Хароном, Цурканом, Лисовским, Зомбом.

Отдельный круг его "общения" составляли художники прошлого, особенно парижской школы: Утрилло, Модильяни, Сутин. При упоминании имени Хаима Сутина или Пикассо он начинал довольно улыбаться и мог говорить о них часами, с такими интонациями, будто речь о его знакомых, — а может быть, так и было, кто знает? С некоторых ранних автопортретов на зрителя смотрит типичный обитатель "Улья" и завсегдатай кафе "Ротонда".

Потом наступили трудные годы, действительность мстила за нежелание в нее встраиваться, но он брался за кисть, и живопись помогала ему вновь и вновь.

Нет искусства без характера личности творца. В этом смысле Тихолуз крайне субъективный художник. Он представляет собой большой театр, в котором играет один актер. Был театр переживания Станиславского. Был театр отчуждения Брехта, был театр биомеханики Мейерхольда, театр абсурда Ионеско. Тихолуз объединил в себе всё — и всему дал чуткую, зоркую, пронизательную трактовку. Его ни с кем не спутаешь. Единственный экспрессионист среди одесских художников, он воплощает правду личных чувств с такой силой, что она потрясает людей неподдельным драматизмом.

Простой одесский двор. Зима. Но откуда-то из глубины пейзажа течет на зрителя трудноопределимое, щемящее и очень близкое настроение.

Как подкормка для рыб, замышляется снег,
но отсутствие жаберных рядом щелей
низведет нашинкованный струями свет
в седину, что порхает помимо людей...

(И. Бродский)

Художник в запечатленных мгновениях может рассказать о судьбе своих персонажей, предугадывая в какой-то степени и свою. Он предупреждает о жестоком трагизме века и жалеет всех — людей, природу, дома, деревья... Он сохранил для нас Одессу, которую мы теряем с каждым днем, уходящую Атлантиду нашего детства. В его творчестве — тончайшая еврейская ментальность, образное отражение духовных переживаний народа.

На работы Давида обратили внимание одесские коллекционеры. Нам еще предстоит открыть его, и тогда он по праву займет место в наших душах рядом с другими дорогими и так необходимыми именами.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

(А. Тарковский)

Морское побережье. Черное небо. Бушуют волны. Бушует берег. Трещат на ветру хилые оливковые деревья. Только одна фигурка с этюдником бредет наперекор шторму.

Давид Тихолуз: одессит, художник, еврей...

Настоящим открытием для любителей живописи стали персональные выставки работ Давида Тихолуза во Всемирном клубе одесситов и в Музее западного и восточного искусства.

